

26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 44.
27. История народного хозяйства Урала. Т. 1. С. 119.
28. ГАОПОТО (Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 721. Л. 60.
29. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1929. С. 392-393.
30. Социалистическое строительство на Урале за 15 лет. Свердловск, 1932. С43.
31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 351а. Л. 127об.
32. ГАСО. Ф. 239. Оп. 2. Д. 175. Л. 36, 39.
33. Там же.
34. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1147. Л. 38.
35. ЦДООСО. Ф. 4 Оп. 7. Д. 30. Л. 7.
36. ГАОПОТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1080. Л. 24.

Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры документоведения,
историографии и источниковедения
факультета истории и политических наук,
кандидат исторических наук

К вопросу о влиянии Золотой Орды на развитие российской государственности XIII–XV вв. (тенденции и направления в современной исторической науке)

УДК 947+957:321

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена раскрытию основных тенденций в новейшей отечественной исторической науке по вопросу о влиянии Золотой Орды на развитие средневековой российской государственности.

The article is devoted to the investigations of main tendencies in the contemporary Russian historical sciences on the problems of Golden Horde's influence on the development of the Russian state system in Middle Ages.

В условиях формирования новой концепции российской государственности и поиска новой национальной идеи актуальным становится внимание к истокам и генезису государственной структуры, традициям государственного обустройства. В поисках традиций строительства российской государственности внимание научной общественности приковывается к ключевым, определяющим моментам исторического пути России.

Период монгольского нашествия и золотоордынского владычества — один из значимых периодов, повлекших за собой структурные изменения в российском социуме. Проблема ордынского влияния на процесс становления российской государственности обозначилась еще на рубеже XVIII–XIX вв. и с тех пор не выпадала из поля зрения исследователей, хотя и оставалась нежеланной темой. Либерализация общественной жизни начала 1990-х годов, отказ от жестких методологических схем обострили интерес к теме и породили к жизни новые суждения и трактовки о влиянии Орды на политическую систему Руси. Исследование проблемы выявило целый ряд аспектов, которые нуждаются в систематизации, анализе и дальнейшем осмыслении. Среди них: выявление научных школ и направлений, исследовавших

данную тематику, определение степени влияния монголов на объединительные процессы в Северо-Восточной Руси, на структуру политической власти в русских княжествах, формирующуюся российскую ментальность, на форму даннических отношений и их эволюцию.

Историографическая традиция, начиная с В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, не отличалась разнообразием в оценке влияния Орды на политические и социальные процессы на Руси. Благодаря концепции Н. М. Карамзина в российской историографии на долгое время утвердилось мнение о жестокости и зверствах Батыева нашествия и о том, что татаро-монгольское иго надолго задержало развитие Русского государства. Разделяли это мнение и советские историки. Им было сложнее обсуждать данную проблему, ибо история изучения Золотой Орды не всегда находила понимание у политического руководства страны. Тема была нежелательной. А в 1940-е годы история Золотой Орды объявлялась чуть ли не антиисторией, а, следовательно, и тот круг проблем, который с ней соприкасался.

В 1940–60-е годы господствовал тезис А. Н. Насонова о двояком отношении населения Руси к захватчикам, когда феодальная верхушка использовала ситуацию в своекорыстных целях, а народ вел активную борьбу против поработителей [1]. Эту точку зрения разделяли Б. Д. Греков, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин и др. советские историки.

В эмигрантской литературе, особенно в концепции евразийцев, на историю русско-ордынских взаимоотношений смотрели по-другому — как на «симбиоз» двух культур. Там существовало мнение о том, что прежняя «разграничительная линия» между русской и азиатско-языческими культурами перестала ощущаться потому, что она просто исчезла: безболезненно и как-то незаметно границы русского государства почти совпали с границами монгольской империи, и не от кого стало с этой стороны защищаться.

В 80-е годы XX века появляются новые тенденции в исследовании проблемы, рассматривающие политическую историю северо-восточной Руси с иных теоретических позиций. Особо стоит выделить точку зрения Л. Н. Гумилева с его теорией пассионарности. Основной вывод ученого гласит, что «татаро-монгольского ига» не существовало, а отношения между ханами и князьями носили характер равноправного сотрудничества, а не господства и подчинения. Ученый полагал, что русские земли в целом смогли сохранить свой военный потенциал, а разрушения и бедствия Руси сильно «преувеличены» [2]. Характеризуя русско-ордынские отношения до 1312 года, Л. Н. Гумилев использует термин «синтез». Русь не была покорена, а вошла в состав улуса Джучи, не потеряв «автономии»; после принятия Ордой ислама в 1312 году синтез перерос в «военный союз Руси и Орды, продержавшийся до конца XIV века» [3]. Именно зависимость Руси от Орды рассматривается Л. Н. Гумилевым как благо, способствующее строению новой русской государственности. Между тем исследование Л. В. Егоровым исторической географии Золотой Орды XIII–XIV вв. позволило ему ввести такое понятие как «буферная зона», разграничивающая территории Орды и Руси [4]. Наличие этих зон исключало непосредственное слияние территорий двух сопредельных государств, поэтому тезис Л. Н. Гумилева о синтезе остается гипотетическим. С другой стороны, нельзя игнорировать осторожное предположение И. Б. Грекова и Ф. Ф. Шамагонова о «успехах» монгольской дипломатии, сумевшей организовать одновременные удары по Руси: Батые с Востока на Киев и Южную Русь; Тевтонского ордена на новгородские и псковские земли [5]. Эта нетривиальная, как нам кажется, гипотеза, заслуживающая самого пристального внимания и изучения, в последующие десятилетия не получила дальнейшего развития.

Пробуждающееся самосознание населения в некоторых национальных административных образованиях, побуждаемое антирусской истерией, очень уверенно

ставило на национальную карту. В конце 1980–нач. 90-х появилась тенденция пересмотра некоторых периодов отечественной истории, связанных с национальным вопросом, не стала исключением и проблема монгольского нашествия и золотоордынского ига на Руси, которая неожиданно стала приобретать политический оттенок. Это относится прежде всего к самому понятию «татаро-монгольское иго» и его последствиям для русских княжеств. Появлявшиеся в периодической печати легковесные и конъюнктурные материалы, не имеющие научной значимости, будоражили сознание и воображение людей [6]. Данное обстоятельство побудило многих отечественных историков вновь обратить пристальное внимание на проблему монгольского нашествия и его последствий.

В 1990–е годы проблема становится едва ли не самой популярной в новейшей историографии средневековой Руси и находит свое отражение в работах А. А. Горского, А. Я. Дегтярева, И. В. Дубова, В. Кожина, В. А. Кучкина, Д. В. Чернышевского, И. Б. Грекова, В. Л. Егорова, Э. С. Кульпина, М. Полубояринова, В. И. Стависского, Г. Л. Федорова — Давыдова, Ю. В. Кривошеева и др. о Золотой Орде и ее взаимоотношениях с Русью [7]. Учитывая значимость этой темы, были переизданы работы советских [8] и эмигрантских [9] исследователей данной проблемы.

Прекратить процесс формирования искаженных представлений о монгольском завоевании русских земель, не основанных на исторических источниках — такую цель имела научно-популярная брошюра В. А. Кучкина «Русь под игмом: как это было?» В доступном для массового читателя изложении, апеллируя к источникам, ученый отстаивает устоявшуюся точку зрения о масштабах завоевания и последствиях ига: «военные опустошения, произведенные Батыем, тяжелый податный пресс, ...привели к затяжному экономическому упадку Руси». Серьезный отпечаток наложила зависимость от Орды и на политическую сферу — образование монархии, «базировавшейся на громадной личной собственности самодержца» (по образу восточных деспотий) [10].

Традиционных подходов к истории взаимоотношений Золотой Орды и русских княжеств придерживаются А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузов [11], авторы обстоятельного Предисловия к монографии Д. Феннела «Кризис средневековой Руси 1200–1304». Вместе с тем историки призывают отказаться от ряда стереотипов, имевших место в исследованиях, связанных с данной проблемой.

Б. А. Рыбаков и А. А. Преображенский пишут, что «монголо-татарское нашествие оказало глубоко отрицательное влияние на исторические судьбы народов, очутившихся под ударами завоевателей. Многие районы, куда вторглись захватчики, пришли в запустение, обезлюдели. Страшно разорены были русские земли» [12].

Негативно влияние монголов на русскую историю оценивает А. Л. Юрганов. В то же время он признает, что хотя «непокорных унижительно наказывали... те князья, которые охотно подчинялись монголам, как правило, находили с ними общий язык и даже более того — роднились, подолгу гостили в Орде». Таким образом, многие русские князья становились «служебниками» монгольских ханов [13].

Негативные стороны нашествия анализировались и в евразийской литературе. Г. В. Вернадский писал, что «с политической точки зрения разрушение большинства крупных городов Восточной Руси во время монгольского нашествия было сокрушительным ударом по тем городским демократическим институтам, которые процветали в киевский период на Руси /и продолжали процветать в Новгороде и Пскове во время монгольского периода/» [14]. В то же время он писал, что «подчинившись государям из дома Чингисхана, Русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир, простирающийся от Тихого океана до Средиземного моря» [15].

Следует согласиться с мнением такого авторитетного исследователя проблемы, как Г. А. Федоров–Давыдов, который подчеркивает, что «наша отрицательная оценка Золотой Орды не должна помешать нам ее изучать» [16].

Во второй половине 1990-х годов редакция журнала «Родина» подготовила и издала специализированный выпуск под общим названием «Лес и Степь. IX–XVI вв. Неизвестные страницы», посвященный многовековой истории и практике взаимоотношений славянского мира и кочевников. В этом номере особое внимание уделено русско-ордынским отношениям. Созданию номера способствовал огромный интерес в обществе к одному из ключевых событий средневековой Руси — золотоордынскому игу. Помещенная в номере полемика на тему «А было ли иго?» показала существование целого спектра различных точек зрения по проблеме, подчеркивая ее актуальность и неисчерпаемость [17]. Ряд историков указал на отрицательные последствия татаро-монгольского ига для Руси, которое вызвало «глобальное бедствие, катастрофические последствия которого были неисчислимы». Древнерусская цивилизация «была отброшена назад в экономическом, политическом, культурном развитии, по крайней мере, на полтора столетия».

Историки, представляющие национальные образования России, и прежде всего Татарстан, выступают против такой оценки. По словам Д. Исхакова, татарский народ не может «отрицательно относиться к тюркско-монгольскому завоеванию и образованию тюркско-монгольской империи. Ведь это фактически образование широкого государственного объединения — Золотой Орды, формирование ряда этнических компонентов нашего народа на обширной территории».

В этом отношении выгодно отличается работа В. Л. Егорова «Золотая Орда: мифы и реальность», концептуально ориентированная на малоисследованные аспекты проблемы. Ученый подробно рассматривает процесс образования золотоордынского государства, детально останавливается на организации государственной власти в Золотой Орде. Из исследования можно узнать много нового о городах, быте и культуре Золотой Орды. Это едва ли не единственное исследование, посвященное внутренней истории Орды. Ученый разрушает некоторые утвердившиеся в науке мифологемы. Так, он отмечает, что Золотая Орда не являлась кочевым государством, об этом говорят ордынские города (около 110), вызванные к жизни «изменениями, произошедшими в жизни кочевого общества», требованием создать стационарные центры административного управления. Еще одной мифологемой историк считает термин «монголо-татары», искусственно выработанный еще дореволюционными историками. Приводя достаточно аргументированные возражения, В. Л. Егоров полагает, что правильнее говорить о монгольском нашествии, а от традиционной терминологии отказаться как от «исторического заблуждения» [18].

Одним из последних исследований по этой теме является фундаментальная монография Ю. В. Кривошеева «Русь и монголы». Монография посвящена, главным образом, выявлению влияния нашествия и ордынского ига на становление и развитие русской государственности. Некоторые положения, высказанные ученым, представляются достаточно оригинальными. Оценивая причины нашествия, исследователь считает, что «в XII в. произошло столкновение двух крупных колонизационных потоков: татарского и восточнославянского» [19]. Оценивая последствия ига, историк отмечает, что «монголо-татарское «иго» не отбросило и не остановило общественное развитие северо-восточных русских земель. Не способствовало оно и прогрессу в сфере общественных отношений. Воздействие его на внутренние процессы очевидно, но к ...кардинальному повороту в социально-экономической и социально-политической сферах оно не привело» [20]. Согласно Ю. В. Кривошееву, ордынское иго стало дополнительным фактором в уже существовавших общественных отношениях, «особенно политического свойства».

Особняком в исторической науке стоит концепция Л. Н. Гумилева, которая получает свое дальнейшее развитие и детализацию в 1990-е годы. Ее оригинальность не раз привлекала внимание исследователей. Разделяя взгляды евразийцев по поводу «татаро-монгольского ига», Л. Н. Гумилев писал: «Ни о каком монгольском завоевании Руси не было и речи. Гарнизоны монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать. С окончанием похода Батый ушел на Волгу, где основал свою ставку — город Сарай. Фактически хан ограничился разрушением тех городов, которые, находясь на пути войска, отказались замирииться с монголами и начали вооруженное сопротивление». По его словам, «...говорить о завоевании России монголами нелепо, потому что монголы в 1249 г. ушли из России, и вопрос о взаимоотношениях между Великим монгольским Улусом и Великим княжеством Владимирским ставился уже позже и решен был в княжение Александра Невского, когда он добился выгодного союза с Золотой Ордой» [21].

Огромную роль в пересмотре традиционной концепции этого периода русской истории сыграли публицисты, которые положительно восприняли концепцию Л. Н. Гумилева. Они высказали свое отношение к термину «татаро-монгольское иго». Так, писатель Б. Васильев, приводя доводы в пользу добровольности русско-ордынского союза, говорил о дани как о законной плате монголам за охрану русских границ, о фактах участия русских войск в организованных монголами военных походах [22].

Развернулась дискуссия о том, как охарактеризовать нашествие Батыя на Русь. Л. Н. Гумилев называл нашествие Батыя «большим набегом», а не оккупацией. Противник данного определения публицист В. Кожин пишет, что на Русь обрушилась концентрированная мощь всей Азии. Автор, не отрицая само понятие монгольского ига, отвергает тезис о его чрезвычайной обременительности для Руси. Ссылаясь на сведения, почерпнутые из советской историографии, он приводит данные, что в среднем на душу населения годовая дань составляла всего 1–2 рубля в современном исчислении. Такая дань не могла быть тяжелой для народа, хотя наносила серьезный удар по казне русских князей [23].

Крайние, ничем не обоснованные точки зрения по данной проблеме высказываются и в околонучной литературе, на страницах изданий, относимых к так называемой «фолк-истории». Авторы этих «сенсационных» концепций полагают, что Монгольская империя — это и есть средневековая Русь. Так, А. А. Гордеев пишет, что «Русь была превращена в улус монгольской империи и стала называться татаро-монгольской» [24]. По мнению Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко, никакого монголо-татарского нашествия вообще не было, а термином «Орда» называлось регулярное русское войско. Они полагают, что «Орда была не иностранным образованием, захватившим Русь извне, а просто восточно-русским регулярным войском, входившим неотъемлемой составной частью в древнерусское государство», поэтому «татаро-монгольское иго» есть просто период военного управления в русском государстве» [25].

Во второй половине 1990-х гг. проблема взаимоотношений Руси и Золотой Орды стала едва ли не самой популярной в историографии средневековой Руси. Многие историки поставили перед собой благородную задачу дать критику искаженных представлений о монгольском завоевании русских земель, не основанных на исторических источниках. Большинство из них разделяли мнение о том, что «однозначного ответа на вопрос «положительным или отрицательным было влияние монгольского завоевания» быть не может» [26].

Дискутируется тезис о термине «монголо-татары». По мнению В. Л. Егорова, термин «монголо-татары» был искусственно выработан дореволюционными историками. Правильнее говорить о монгольском нашествии, а от традиционной историографии нужно отказаться как от «исторического заблуждения» [27]. С. В. Рыбаков по поводу

термина «татаро-монгольское иго» пишет, что «после знакомства с историческими фактами условность этого термина становится очевидной». По его мнению, «словесный гибрид «монголо-татары возник в XIX в. и укоренился в российской историографии, хотя в войсках Чингиз-хана и Батыя никаких татар не было» [28].

Одним из значимых направлений в изучении проблемы стала сентенция, устанавливающая связь: Орда — возвышение Москвы. Вопрос о том, почему именно Москва стала в период ордынского господства центром объединения русских земель в единое государство, издавна привлекал внимание исследователей. В традиционной историографии в качестве факторов, способствующих возвышению Москвы, назывались выгодное географическое положение, поддержка московских князей Ордой, перенесение в Москву резиденции митрополита и т. п.

В современной историографии в связи с 850-летием Москвы научной общественностью уделялось пристальное внимание истории Московского княжества, причинам его возвышения и роли в объединении русских земель [29]. Современные историки критически переосмыслили многое в историографическом наследии по данному вопросу.

Д. М. Володихин и А. В. Лаушкин охарактеризовали современную историографическую ситуацию вокруг проблемы «возвышения Москвы», как нервную, страдающую избытком публицистизма и недостатком научности [30].

Следует обратить внимание на опубликованные лишь в годы «перестройки» труды А. А. Зимина, который выступил с критикой традиционной концепции «возвышения Москвы». В своей монографии «Витязь на распутье» А. А. Зимин одним из главных факторов, заложивших основы политического объединения русских земель вокруг Москвы, называет проордынскую политику московских князей.

Предложенная А. А. Зиминим концепция получила поддержку со стороны В. М. Панеяха, который писал, что «прежняя система аргументации и сделанные из нее выводы после этой работы А. А. Зимина представляются мне скомпрометированными полностью и окончательно» [31].

Из современных историков только, кажется, А. А. Горский скептически относится к такой постановке вопроса. В то же время наблюдения Горского о причинах возвышения Москвы, при всей их гипотетичности, не лишены перспективности. Так, ученый полагает, что активная политика московских князей (присоединение Можайска и Коломны) на рубеже XIII–XIV вв. говорит о заметном увеличении военной силы московских князей за счет прихода к ним на службу значительного числа служилых людей из других княжеств. Приток служилых людей, согласно А. А. Горскому, шел в основном из южной Руси. Из проногайски настроенных княжеств отъезжали бояре после смерти своих князей к Даниилу, главе этой коалиции, укрепляя тем самым военную мощь Москвы [32].

Среди современных историков, работающих по данной теме, можно выделить Н. С. Борисова. Взвешенный, серьезный, с твердой опорой на источники, подход Н. С. Борисова к политической истории Руси первой половины XIV в. представляется весьма продуктивным. По мнению ученого, одним из важнейших факторов «возвышения Москвы» была гибкая, реалистичная, оригинальная и дальновидная политика ее правителей — умеющих «играть по карману» [33].

Н. С. Борисов отмечает, что именно тогда вырабатываются политический стиль и методы управления страной, где немаловажную роль имел морально-нравственный облик князя. По словам историка, «технология московской победы — одна из самых ярких страниц в политической истории средневековой Руси, а может быть, и всей Восточной Европы» [34]. Согласно историку, «введение «ордынской монополии» великого князя Владимирского было большим шагом вперед на пути создания единого Русского государства».

Проблема возвышения Москвы тесно связана с другой историографической проблемой — темой политической борьбы в Северо-Восточной Руси XIII—начала XIV вв. Политическая история Руси XIII—XIV вв. — одна из старейших в отечественной историографии. Сравнительно небольшой круг источников, зачастую противоречивых, научная и общественно-политическая значимость темы способствовали тому, что, реконструируя прошлое, историки часто расходились в своих оценках. Повышение интереса к данной тематике наблюдается в последнее время.

В новейшей историографии набирает силу тенденция осмысления политической истории Северо-Восточной Руси середины XIII—XIV вв. в русле историософской концепции И. Я. Фроянова, полагающего, что средоточием политической жизни Древней Руси являлись территориальные городские общины — города-государства [35]. Так, Ю. В. Кривошеев полагает, что перспективы развития региона, особенно середины XIII—первой четверти XIV веков, определяли три политические силы: князья, татары и вече, выражавшее политическую волю городских общин [36]. Ю. В. Кривошеев разделяет взгляды Л. Н. Гумилева, характеризующую систему взаимоотношений ордынских ханов и русских князей. Историк подчеркивает, что ханы воспринимали князей как реальную политическую силу, и отношения между ними носили характер не только господства и подчинения, но и сотрудничества. Более того, князья сами использовали власть хана для решения своих политических задач, в том числе и для борьбы со своими соперниками [37]. Ту же идею проводят А. В. Суэтин и Н. С. Борисов [38].

По мнению А. А. Горского и В. А. Кучкина, пик политической борьбы в Северо-Восточном регионе Руси приходится на 80–90-е гг. XIII в. Авторы считают, что в это время ни один из факторов, муссированный в традиционной историографии, еще не действовал. Более того, А. А. Кучкин полагает, что политическая ситуация, сложившаяся на рубеже XIII—XIV вв., не способствовала выдвижению Москвы на первые роли: Москва лишилась могущественного покровителя в Орде Ногай; князей союзников; а со смертью Даниила в 1303 г. и формальных прав на великое княжение [39].

Позиция А. Горского также не отличается новизной подходов к прочтению известных сюжетов. По сути, муссируется и дополняется новыми чертами тезис Насонова 1930–40-х годов. Историк полагает, что одним из главных стимуляторов этой политической коллизии был раскол в Орде на две враждующие группировки: Волжскую и Ногайскую Орды. Их противостояние и определило вектор политической борьбы князей на Руси, ориентирующихся на различные группировки. Основными соперниками были братья, сыновья Александра Невского — Дмитрий и Андрей. В то же время, как отмечает А. А. Горский, «ориентация на разные орды не привела к распаду существовавшей в Северо-Восточной Руси политической системы, поскольку обладание великим княжением давало значительный перевес» [40].

Проблему политической борьбы на Руси в XIII—XIV вв. затрагивали Н. С. Борисов, В. А. Кучкин, А. В. Суэтина, Ю. В. Кривошеев.

По мнению ряда исследователей, именно в XIII—XIV вв. зарождалась и генерировалась та система государственной власти, которая основывалась на угодничестве, коварстве, достижении цели любой ценой. Она утверждается на Руси после освобождения от ордынского ига и вылилась в самое дикое и оголтелое азиатское самодержавие. Эта тема поднималась в наследии русской эмиграции, чьи труды были опубликованы в современной России. Так, Г. П. Федотов в статье «Россия и свобода» указывал на то, что Москва своим возвышением была обязана татарофильским, предательским действиям своих первых князей, что воссоединение Руси, создание могучего централизованного государства осуществлялось через насильственные захваты территорий, вероломные аресты князей соперников. Да и само со-

бирание уделов, по мнению автора, совершалось восточными методами: снимался весь слой населения и уводился в Москву, заменяясь пришлыми и чужими людьми; выкорчевывались местные обычаи и традиции.

Такая точка зрения получила широкое распространение в современной публицистике. По словам А. Буровского, «Московия, начало которой положил Александр Невский, станет сильнее других русских государств и сумеет задавить «конкурентов». И понесет всей Руси традиции холопства, азиатщины» [41]. Эта позиция все отчетливее звучит во многих современных исследованиях.

Видимо, прав был К. Маркс (хотя его и не принято ныне цитировать), что колыбелью Московии и Российской империи было «кровавое болото монгольского рабства». Именно тогда вырабатывались политический стиль и методы управления страной, где немаловажную роль имел и морально-нравственный облик правителя. Особую актуальность данная проблема приобретает в настоящее время, когда в науке и обществе усиливается интерес к вопросам отечественного политогенеза, своеобразию российской политической традиции. И в этом смысле технология генезиса средневековой российской государственности, «технология московской победы» — одна из самых ярких страниц в политической истории средневековой Руси, а может быть, и всей Восточной Европы» [42].

ЛИТЕРАТУРА

1. Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). Л., 1940.
2. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 466–565.
3. Там же. С. 548, 562–563.
4. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
5. Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1988. С. 75.
6. Прежде всего, имеются в виду такие публикации, как: Васильев Б. Люби Россию в непогоду // Известия. 17 января 1989.; Маде Т. Великорусский национализм // Советская Россия. 5 авг. 1989.; Губайдуллин Г., Юнусова Х. Татарское иго ...над татарами? // Дружба народов. 1989. № 4., и др.
7. См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985; Его же. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990; Федоров–Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994; Кульпин Э. С. Золотая Орда: Проблема генезиса Русского государства. М., 1998; и др.
8. См.: Греков И. Б., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998; и др.
9. См.: Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991; Вернадский Г. В. Русь и монголы. М., 1998; и др.
10. Кучкин В. А. Русь под игмом: как это было? М., 1991. С. 23.
11. См.: Хорошкевич А. Л., Плигузов А. И. Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., Прогресс. 1989. С. 9.
12. Рыбаков Б. А., Преображенский А. А. История Отечества. М., 1993. С. 43
13. См.: Кацва Л. А., Юрганов А. Л. История России VIII–XV вв. М., 1997. С. 138–139
14. Вернадский Г. В. Что дали России монголы // Родина. 1997. № 3–4. С. 96
15. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М., 1998. С. 389
16. Федоров–Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 14
17. Лес и Степь. IX–XVI вв. Неизвестные страницы. // Родина. 1997. № 3–4.
18. Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 23.
19. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 229.
20. Там же. С. 353.
21. Гумилев Л. Н. От Руси к России. М., 1996. С. 132.
22. См.: Васильев Б. Люби Россию в непогоду // Известия. 1989. 17 янв.; Маде Т. Великорусский национализм // Советская Россия. 1989. авг.; Юнусова Х., Губайдуллин Г. Татарское иго...над татарами // Дружба народов. 1989. № 4; и др.

23. Кожин В. «Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение Куликовской битвы // Наш современник. 1997. № 3. С. 194, 183.
24. Гордеев А. А. История казаков. М., 1992. С. 39.
25. Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. С. 26. См.: Родина. 1997. № 3–4. С. 86–89.
27. См.: Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985
28. Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 23, 15.
29. См.: Юшко А. А. Московская земля IX–XIV вв. М., 1991; Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. М., 1993; Борисов Н. С. Политика московских князей: конец XIII–первая половина XIV вв. М., 1999; и др.
30. См.: Володихин Д. М., Лаушкин А. В. К выходу в свет книги Н. С. Борисова «Политика московских князей: конец XIII–первая половина XIV вв.» // Русское средневековье. 1999 г. Духовный мир. 1999. С. 3–4.
31. Панеях В. М. Панорама истории России XV–XVI вв. А. А. Зимина: К выходу в свет его книги «Витязь на распутье» // Отеч. история. 1992. № 6. С. 79–80.
32. Горский А. А. К вопросу о причинах «возвышения» Москвы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 4, 9.
33. Борисов Н. С. Политика московских князей: конец XIII–первая половина XIV века. М., 1999.
34. Там же. С. 13
35. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 233–264.
36. Кривошеев Ю. В. О средневековой русской государственности (к постановке проблемы). СПб., 1995. С. 42–47., Он же. Становление Великорусской государственности // История России: народ и власть. СПб. 1997. С. 177–180., Он же. Русь и монголы. СПб. 1999.
37. Кривошеев Ю. В. О средневековой российской государственности. С. 27–39., Он же. Становление Великорусской государственности. С. 173–176.
38. Суэтин А. В. Междукняжеская борьба в Северо-Восточной Руси (середина XIII–первая четверть XIV веков). Автореф... канд. ист. наук. Тюмень 1999. Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XII–первая половина XIV века. М., 1999.
39. Кучкин В. А. Первый Московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 98–101
40. Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отеч. история. 1996. № 3. С. 86
41. Бушков А., Буровский А. Россия, которой не было–2: Русская Атлантида. М., 2000. С. 8.
42. Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XII–первая половина XIV века. М., 1999. С. 13.

Зинаида Николаевна СОКОВА –
 профессор кафедры новой истории
 и международных отношений
 факультета истории и политических наук,
 доктор исторических наук

Власть и ислам в 1920-е годы (региональный аспект)*

УДК 957.12

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений власти и ислама в Тюменском регионе в 1920-е годы.

The article is dedicated to the problems of the relations of administration and Islam congregation in Tyumen region in 1920-s.